

УДК 2-1

DOI: 10.28995/2658-4158-2025-1-13-34

О зеркалах, гнозисе и критическом религиоведении: размышления над монографией Воутера Ханеграаффа об античном герметизме

Павел Г. Носачев

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, pnosachev@hse.ru*

Аннотация. В статье предлагаются критические размышления над проектом переопределения принципов религиоведческих и культурологических исследований, предложенных Воутером Ханеграаффом в рамках его изучения западного эзотеризма. За отправную точку взяты идеи самой последней монографии В. Ханеграаффа «Герметическая духовность и историческое воображение: альтернативные состояния знания в античности». Показано, что этот труд вобрал в себя все основные концепции, разрабатываемые амстердамским профессором с начала его академической карьеры: конструирование академического знания; проблема маргинализации одних форм знания за счет моды на другие; измененные состояния сознания и практики конструирования себя; большой полемический нарратив монотеизма; религиозный опыт; гнозис; оппозиция классической герменевтики и постмодернистской деконструкции. Дается развернутый очерк нового проекта реконструирования герметизма, предложенного Ханеграаффом, демонстрируется его оригинальность по сравнению с классическим периодом изучения темы, также показываются его отличия от новой историографии, возникшей в 1980-е гг. Показывается, что исследования Ханеграаффа не дают представления о картине античного герметизма, а являются проекцией стереотипов и религиоведческих мод конца XX в. Дана развернутая критика концепции измененных состояний сознания и связанной с ней современной категории гнозис, показана как теоретическая, так и эмпирическая их сомнительность. Параллельно подвергается критическому рассмотрению проект приложения категории измененных состояний сознания к религии древних греков в монографии Юлии Устиновой, на которую в значительной мере опирается Ханеграафф.

© Носачев П.Г., 2025

Установлена аисторичность и тенденциозность предложенной Ханеграаффом реконструкции духовного опыта. Подвергнута критике идея выделения в западной культуре трех составляющих: религии, науки и гнозиса. Делается вывод, что настоятельное продвижение диалектики опытного гнозиса и рационально-догматического христианства, которой пронизаны труды Ханеграаффа, сыграло плохую службу в развитии религиоведения, создавая прецедент ложного теоретизирования, упрощающего сложную картину, части которой благодаря успехам в изучении гностицизма в последние десятилетия начинают понемногу проясняться.

Ключевые слова: герметизм, гностицизм, западный эзотеризм, измененные состояния сознания, гнозис, религиоведение, культурология

Для цитирования: Носачев П.Г. О зеркалах, гнозисе и критическом религиоведении: размышления над монографией Вouters Ханеграаффа об античном герметизме // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2025. № 1. С. 13–34. DOI: 10.28995/2658-4158-2025-1-13-34

On mirrors, gnosis and critical religious studies. Some reflections on Wouter Hanegraaff's book on ancient hermeticism

Pavel G. Nosachev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, pnosachev@hse.ru*

Abstract. The paper offers critical reflections on the project of redefining the principles of religious and cultural studies proposed by Wouter Hanegraaff as part of his project of discovery of Western esotericism. The ideas of Hanegraaff's most recent book "Hermetic Spirituality and Historical Imagination: Alternative States of Knowledge in Late Antiquity" are taken as a starting point. It is shown that this work has incorporated all the basic concepts developed by him since the beginning of academic career: the construction of academic knowledge; the problem of the marginalization of some forms of knowledge due to the fashion for others; altered states of consciousness; the great polemical narrative of monotheism; religious experience; gnosis; opposition to classical hermeneutics and postmodern deconstruction. A detailed outline of the new vision of hermeticism proposed by Hanegraaff is given. It is shown that Hanegraaff's research does not create the picture of ancient hermeticism, but is a projection of fashions of the late twentieth century in religious studies. A detailed critique of the concept of altered states of consciousness and the related modern category of gnosis is given, its theoretical and empirical doubtfulness is highlighted. At the same time, the project of applying the category of altered states of consciousness to

the religion of the ancient Greeks in Julia Ustinova's monograph, on which Hanegraaff relies heavily, is being critically examined. The ahistoricity and tendentiousness of Hanegraaff's reconstruction of spiritual experience have been highlighted. The idea of distinguishing three components in Western culture: religion, science and gnosis has been criticized.

Keywords: hermeticism, gnosticism, Western esotericism, altered states of consciousness, Gnosis, religious studies, cultural studies

For citation: Nosachev, P.N. (2025), "On mirrors, gnosis and critical religious studies. Some reflections on Wouter Hanegraaff's book on ancient hermeticism", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 13–34, DOI: 10.28995/2658-4158-2025-1-13-34

Современные исследования эзотеризма за несколько десятилетий прошли путь от маргинальной для академии сферы к одной из самых востребованных. Такой бурный рост во многом обусловлен продуманной стратегией развития, заложенной и координируемой ее создателями, а ныне классиками. Одним из них является Вouter Ханеграафф. Созданный им академический проект по реабилитации отверженного знания отличался глубоким проникновением в исследуемые проблемы, умением применять инструментарий современных методов и смелостью в высказывании непопулярных гипотез. Но времена меняются, и стиль работы, воспринимавшийся ранее как передовой, может потерять актуальность и новизну. Далее мы разберем ключевые идеи Вouter Ханеграаффа, изложенные им в его недавней монографии, посвященной герметической духовности. Этот труд уникален тем, что стал своего рода компендиумом академического пути Ханеграаффа.

Книга и ее автор

За свою научную карьеру Вouter Ханеграафф достиг многого: создал первую в мире образовательную программу по изучению западного эзотеризма и долгое время управлял европейской ассоциацией по его исследованию; статьи, выступления и труды, написанные им, до сих пор определяют специфику данной сферы. Но признание заслуг ученого значительно шире – в Голландии Ханеграафф считается одним из ведущих религиоведов страны, что подтверждается неоднократным присуждением ему почетных званий и наград. Несмотря на то что Ханеграафф написал множество статей и отредактировал немало сборников, крупных монографических исследований он выпустил всего три. Первая книга

«Религия Нью Эйдж и западная культура: эзотеризм в зеркале секулярной мысли» [Hanegraaff 1996] стала событием в изучении современных религиозных движений, задав стандарт в концептуализации Нью Эйдж, а ее автор сразу оказался знаменитостью – почти все газеты и журналы Голландии взяли у него интервью. Эта популярность сыграла немалую роль в выборе именно его кандидатуры на пост главы создаваемой кафедры по исследованию эзотеризма в университете Амстердама. Второй труд вышел более чем через десять лет и стал плодом многолетней работы по изучению и преподаванию эзотеризма. «Эзотеризм в академии: отверженное знание и западная культура» [Hanegraaff 2012] был посвящен переоценке всего академического понимания эзотеризма, который с начала Нового времени воспринимался как отверженное знание. Хотя работа и не получила такой большой известности, как предыдущая, но в академических кругах обрела широкое признание, основательно закрепив позиции исследователей эзотеризма в академии. Фактически после ее выхода крупные академические книгоиздатели (Оксфорд, Кембридж, Рутледж) начинают выпускать серии, посвященные проблематике эзотеризма. И вот спустя десять лет Ханеграафф издает новое исследование «Герметическая духовность и историческое воображение: альтернативные состояния знания в античности». Книга сразу после выхода была удостоена награды «Ассоциации американских книгоиздателей» как лучшее исследование 2023 г. в номинации «теология и религиоведение»¹ и получила некоторую критическую рецепцию. Но для труда, в котором автор предлагает полный пересмотр традиции изучения герметизма, сложившейся более чем за столетие, эту реакцию можно назвать достаточно вялой, хотя, возможно, на нее еще обратят должное внимание.

Модель реконструкции герметической духовности

В трех монографиях амстердамского ученого несложно заметить тематическое развитие в духе гегелевской спирали: если первый труд был посвящен скрупулезной реконструкции религиозной системы Нью Эйдж по первоисточникам, а второе исследование фокусировалось на трудах академиков (в нем переосмыслились стратегии конструирования научного знания), то неудивительно, что третий труд о герметизме стал синтезом перспектив понимания религии извне и изнутри. Его главная тема – реконструкция

¹ *Winners R.R. Hawkins Award. 2023.* URL: <https://proseawards.com/winners/2023-award-winners/#body> (дата обращения 14.12.2024).

античного герметизма так, как его видели сами приверженцы учения², – неразрывно связана с проблемой конструирования герметизма в академическом сообществе XIX–XXI вв. Книга буквально сталкивает две перспективы: герметическую внутррелигиозную, следующую из реконструкции текстов, и исследовательскую, показывая, сколь они разнятся. Причем Ханеграафф предлагает полный пересмотр устоявшихся мнений и ориентиров как в оценке содержания герметики, так и в отношении к авторитетам в ее исследовании. Такую диалектичность своего научного пути и особую роль в нем монографии о Гермесе отмечает и сам автор, уже в начале книги замечая: «...так называемая герметическая традиция на протяжении всей профессиональной жизни была объектом моего восхищения» [Hanegraaff 2022, p. 6].

Стоит отметить, что стилистически это самый необычный труд Ханеграаффа. Раньше его тексты отличала подчеркнутая академичность, связанная с достаточно тяжелой манерой подачи материала, рецензируемая же книга пронизана многочисленными историями и иллюстрациями. Каждую главу автор начинает либо с анекдота о ее ключевом персонаже, либо с рассмотрения культурно-географических особенностей мест, где складывались тексты, либо, что совсем необычно, с полухудожественного рассказа-реконструкции, где в гипотетическом ключе предлагается живая история герметических религиозных практик.

Содержательно текст разделен на десять глав, предваряемых прологом и заключаемых эпилогом. Композиция исследования продумана до мелочей: автор поэтапно реконструирует герметическую религиозность, с каждой главой углубляясь в тексты Корпуса, расширяя аргументацию и оспаривая достижения предыдущих поколений исследователей.

В первой главе «Герметическая духовность» Ханеграафф предлагает пересмотреть исследовательскую оптику, применявшуюся для понимания сути герметизма. Фактически большинство трудов, посвященных ему, вплоть до конца XX в. рассматривали герметизм как философско-религиозную традицию, вторичную по отношению к платонизму и иудео-христианству, в своей логике довольно непоследовательную, характеризующуюся эклектикой различных идей до смешения пантеизма и дуализма³. Ханеграафф же пред-

² Ханеграафф так пишет об этом: «Я хочу, чтобы авторы “Герметики” рассказали мне, что это значило для них. Как будет видно, их ответы, мягко говоря, удивляют...» [Hanegraaff 2022, p. 8].

³ Отличной иллюстрацией такого отношения к герметическому стилю мысли в России служит приложение к переводу четвертой Эннеады Плотина Т.Г. Сидаша, в котором автор в достаточно вольной манере проводит

лагает отказаться от вписания герметизма в историю философии, поскольку учение Гермеса изначально было религиозным и любая попытка встраивания его в прокрустово ложе логики и культуры мышления нивелирует изначальную основу религиозного опыта, составляющего, по его убеждению, фундамент любой религиозной традиции⁴. Поэтому он настаивает на понимании герметизма как духовности. Встраивание в исследование античного религиозного учения современной религиоведческой категории Ханеграафф аргументирует аналогией: «Представьте себе историка из отдаленного будущего, которая обнаруживает утерянный архив американских книг по самопомощи. Она открывает, что некий Дипак Чопра написал книгу-бестселлер о таинственной практике под названием “квантовое исцеление” ...Наш историк погружается в архивы и пишет ученый комментарий к этой древней книге. Она описывает истоки практики в начале двадцатого века в давно вытесненной научной области, известной как квантовая физика, и приводит множество свидетельств текстовых параллелей о квантах в современных научных периодических изданиях... помогает ли это нам понять, что имел в виду Чопра? Действительно ли он вообще писал о квантах? Адекватно ли помещать его в историю квантовой физики (а затем обвинять его в том, что он так часто неправильно понимает ее концепции)? Не лучше ли нам начать с вопроса о том, что означало *для него* квантовое исцеление в рамках его дискурса, а не о том, что кванты “на самом деле” означали» [Hanegraaff 2022, p. 7]⁵. Намеки на сравнение герметики с «настоящими» интеллектуальными и религиозными традициями хорошо узнаваемы. Например, в современном авторитетном издании текстов библиотеки

реконструкцию герметического учения как теологической системы, давая ей характеристики следующего типа: «...ни в учении о божественных именах, ни в учении о Благе, ни в учении о Едином – авторы *Корнуса* не поднимаются до истинного умозрения об этих предметах. Помимо отдельных прозрений, мы видим в их работах главным образом провинциальную страсть к обобщениям, не подкрепленную правильным образованием» [Сидаш 2018, с. 242]. Стоит отметить, что в общем желании реконструировать герметикку без опоры на консенсус авторитетов Сидаш и Ханеграафф близки, но первый ищет в текстах систему теологии, а второй – слепок с живой религиозной традиции, отсюда совершенно различные результаты проектов.

⁴ Ханеграафф специально подчеркивает противопоставление религиоведения философии и теологии на том основании, что центральным в изучении религии являются «опыт и практики» [Hanegraaff 2022, p. 19].

⁵ Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит Ханеграаффу, в книге он часто выделяет слова и фразы курсивом.

Наг Хаммади, подготовленном Йельским университетом, в предисловии к герметической секции редактора-составители замечают: «...“философская” герметика, конечно, не является настоящей философией, так же как астрология – не то же, что астрономия» [The gnostic scriptures, p. 639], и далее всегда берут определение «философская» в кавычки. Согласно Ханеграаффу, непонимание содержания герметического Корпуса было связано прежде всего с тем, что ученые старались поставить его на то место, которое он никогда не пытался занять. Понять это оказывается возможным только сегодня, когда у нас накопился богатый опыт изучения религиозных течений, за которыми в религиоведении закрепился термин «духовность».

Вторая глава «Сердце тьмы» продолжает линию демифологизации и строится на оппозиции двух предполагаемых истоков герметического корпуса: если тексты были написаны в Александрии, то истоком Корпуса является философско-религиозный синтез начала нашей эры, укорененный в платонической философии, но если тексты происходят из остального Египта, то ключ к их пониманию нужно искать в специфике религиозных течений, возникших в процессе разложения египетской религиозности и ее смешении с иными популярными в Римской империи учениями. Ханеграафф настаивает на истинности второй перспективы, причем он считает, что специфику египетского религиозного мировоззрения нельзя понимать стереотипно. Рассмотрение Египта как «сердца тьмы» из-за якобы царящих в этой религии суеверных магических практик – опровергнутое современными историками заблуждение, основанное на перенесении расхожего представления о западной магии на древний Египет. В этой главе Ханеграафф предлагает читателю свою реконструкцию герметического опыта Фессалоса, который мог бы быть получен во время посвящения у египетских жрецов.

С третьей главы книги начинаются непосредственные excursus в тексты Корпуса, который Ханеграафф не склонен именовать Корпусом из-за условной систематизации разрозненных фрагментов, изначально принадлежащих различным традициям внутри герметики. Первым текстом, который подвергся тщательному разбору, стал «Асклепий». Обратим внимание на то, как автор работает с первоисточниками: в книге он фактически дает свой перевод самых важных фрагментов Корпуса, параллельно проводя скрупулезную работу по критике предыдущих вариантов интерпретации. Углубляясь в историю дошедших до нас фрагментов и специфику их рецепции на основании сравнения прошлых переводов, он воссоздает утраченный смысл герметического сообщения. Такая манера работы приводит к значительным

результатам. Например, отталкиваясь от известного фрагмента об оживлении статуй, Хангераафф показывает, что герметизм был религией живого космоса, каждая часть которого была божественна, следовательно, практика одушевления статуй заключалась не в некоем магическом обряде, наделяющем их особой силой, а в создании условий по выявлению изначально присутствующей в них божественности.

Эту аргументацию он развивает в четвертой главе «Дети Гермеса», где от ритуальных практик герметиков переходит к вопросу о специфике их религиозной общины. Здесь он проводит разбор аргументов о ее возможном существовании и устройстве, показывая, в какой степени личный опыт ученых определял пути реконструкции герметизма. Так, Р.А. Райтценштайн доказывал существование «Poimandresgemeinde», по замечанию Ханеграаффа, «...слово Gemeinde используется среди немецких протестантов для обозначения христианской общины, которая собирается по воскресеньям на еженедельную службу» [Hanegraaff 2022, p. 80], а священник-доминиканец А-Ж. Фестюжьер отрицал возможность существования общин герметиков, поскольку не находил в текстах указаний на литургические действия, схожие с католическими. Прочие авторы моделировали герметиков по образцу масонских лож или сообществ французского оккультизма конца XIX в. Ханеграафф предлагает отказаться от этих вариантов в пользу рассмотрения герметизма как плохо структурированной среды духовных искателей, чем-то близкой к раннехристианской организации, но с более выраженным отношением «учитель – ученик», когда ученики некоторое время брали у учителя уроки в толковании священных текстов и учились практикам обречения религиозного опыта, а затем следовали этим наставлениям в своей личной жизни.

В качестве примеров таких герметиков Ханеграафф предлагает рассматривать известного алхимика Зосиму Панополита и неоплатоника Ямвлиха. В случае с первым автор подробно разбирает как дошедшие до нас тексты, так и проблему гностического дуализма, якобы выраженного у Зосимы. По Ханеграаффу, дуализм – лишь кажимость, обусловленная социальной ситуацией времени, когда герметическое богопочитание становится невозможным в тех формах, какие имело ранее. Ямвлих же предстает герметиком, строящим свое учение вокруг актуализации опыта божественности, присущего человеку изначально. Именно как характеристика этого опыта в книге впервые возникает термин «гнозис». Автор предлагает здесь рассматривать гнозис не как простое знание, а как припоминание того, что было получено от рождения, опытное достижение божественного состояния, изначально присущего каждому аспекту творения. Гнозис понимается как непосредственное

знание собственной божественности, сходное по невыразимости со знанием прекрасного.

Проблема личного опыта с необходимостью принуждает судить о его наличии только через дошедшие до нас тексты, поэтому пятая глава с характерным названием «Через стекло гадательно» восстанавливает процесс рецепции герметического знания через века. Ханеграафф доказывает, что фактически мы не имеем возможности судить об изначальной идее текстов, поскольку оригиналов не дошло, а все копии были отредактированы христианскими переписчиками таким образом, чтобы читать и восстанавливать языческие тексты в согласном с христианским богословием ключе. Поэтому все рассуждения о близости герметизма к иудео-христианству или о вторичности некоторых герметических текстов по отношению к ветхозаветным являются лишь следствием их интерпретации в кругах переписчиков. Согласно Ханеграаффу мы не должны доверять самим текстам, как и устоявшимся традициям их издания, но обязаны реконструировать изначальную интенцию их авторов, пользуясь всем материалом о герметизме и связанных с ним учениях, и уже на этом основании редактировать существующие переводы. Ситуация усложняется тем, что, согласно автору, ядром герметизма был опыт иной реальности (Ханеграафф характеризует его как измененные состояния сознания), поэтому уловить интенцию текстов, ориентируясь лишь на философский инструментарий, невозможно. Следовательно, он предлагает полную перестройку систематизации текстов Корпуса, где в центр ставятся те, в которых можно усмотреть отчетливый пантеистический настрой и выявить указания на специфику измененных состояний сознания, прочие же тексты будут отодвигаться на периферию по мере содержательной и идейной удаленности от центральных.

Используя новую систематику текстов, Ханеграафф начинает реконструировать герметическое учение как практику жизни, отталкиваясь от известной из трудов М. Фуко и П. Адо перспективы рассмотрения философии как «техники себя». Так, автор восстанавливает герметическое учение о страстях и их связи с планетарными демонами, раскрывает учение об иллюзорности этого мира, порожденного неведением истинного источника бытия. В этой же главе дается детальная реконструкция герметического учения о творении мира, предпринятая в первую очередь через новое прочтение «Поимандра». Ханеграафф доказывает, что вопреки распространенному убеждению о пессимистической природе мироздания, в основе которого лежит изначальная катастрофа пленения духовного начала материальным, герметическое мировоззрение было одним из самых последовательных выражений религиозного оптимизма. Согласно его реконструкции, прекрасный и гармоничный

мир произошел из таинственного непознаваемого андрогинного источника жизни, весь мир по своей природе божественен и пронизан светом этого истока. Сотворенный человек, понимаемый как земной бог, сходит в любящий его космос, где архонты семи сфер принимают его в свой круг как равного, а материя соединяется с ним как любящая жена. Таким образом, воплощение – не наказание, а дар, за который нужно платить разделением андрогина на два пола и ограничениями, связанными с бытием в пространственно-временном континууме. Согласно Ханеграаффу, беда рецепции этих идей в том, что господствовала иная версия: «сильно сексуализированные и женоненавистнические образы искушения Адама Евой» [Hanegraaff 2022, p. 174] систематически проецировались на герметический текст. Все комментаторы стремились увидеть в герметизме аналог книги Бытия и кроили текст по ее лекалу.

Вся последующая седьмая глава посвящена аргументированному подтверждению этого положения. Современные ученые более или менее единодушны в отрицании дуалистичности герметического учения, за которое выступала большая часть исследователей в XX в., и предлагают видеть дуализм как педагогический метод, с помощью которого герметики доносили свое учение. Ханеграафф считает, что нужно идти дальше и отказаться при рассмотрении герметизма от оппозиции дуализма и монизма, доказывая, что все кажущиеся дуалистические мотивы в нем на деле скрывают факт исполненности всего мира божественностью, постижение которой возможно только через опыт второго рождения.

Восьмая и девятая главы как раз и иллюстрируют то, как этот опыт рождения был возможен. В качестве точки отсчета на этот раз Ханеграафф берет «Рассуждения об Огдоаде и Эннеаде», текст, дошедший до нас только благодаря открытию в Наг Хаммади и поэтому проигнорированный такими классиками, как Фестюжьер⁶. Основываясь на материале этого текста, Ханеграафф

⁶ Вообще о роли Фестюжьера в рецепции наследия герметики Ханеграафф пишет много и по большей части с негативным оттенком. Пожалуй, лучше всего об этом свидетельствует следующий пассаж: «Чего он не мог увидеть, так это того, что герметическая метафизика основана не на противопоставлении духа материи, а на оппозиции недвойственности конечной реальности дуализму человеческого сознания... то, что могло бы направить Фестюжьера в правильном направлении, было обнаружено примерно девятью годами ранее в Наг Хаммади в “кувшине из Египта”, на находку которого он отреагировал с огромным раздражением... понятным, по крайней мере с психологической точки зрения, ведь он, наверное, интуитивно чувствовал, что содержимое кувшина угрожает всему его 1700-страничному изданию “Откровения Гермеса Трисмегиста”» [Hanegraaff 2022, p. 318].

пытается восстановить в деталях, как происходило общение учителя и ученика и каков был опыт, сообщаемый в нем. Автор доказывает, что герметики обретали опытное знание божественности всего космоса через расширение сознания, посредством психодуховных практик. При этом частично путь постижения адепт мог пройти, руководствуясь инструкциями учителя, который вел его примерно так, как Сократ, когда использовал майевтику, ведь божественное уже есть в человеке, его необходимо лишь пробудить. Но сам опыт второго рождения не мог произойти через учителя, он должен быть спонтанным. Для концептуального осмысления сути этого опыта Хангераафф обращается к идее космического сознания и богатому материалу исследований изменения сознания в греческой культуре. Суть герметического опыта образно выражается им так: герметические тексты настаивали на том, что «процесс духовного освобождения и просветления заключается не в том, чтобы “покинуть пещеру”, а в том, чтобы *родиться в пещере*: задача человеческих существ состояла именно в том, чтобы воплотить божественную красоту, доброту и истину таким образом, чтобы они проявились в нашем мире. Итак, как же должен был происходить такой процесс? Я хочу предположить, что задать вопрос – значит уже ответить на него: конечно, так происходит при любой беременности! Не рассуждая, а *делая...*» [Hanegraaff 2022, p. 321].

Завершающая исследование глава возвращает проблематику в русло темы критики академических исследований, в то же время тематика расширяется до проблемы духовного опыта. Хангераафф начинает главу фиксации очевидного парадокса: свидетельства о невыразимом и непередаваемом опыте дошли до нас в форме текстов, которые были записаны, в частности, по указанию, полученному в ходе самого опыта. Отталкиваясь от этого парадокса, Хангераафф пускается в содержательную дискуссию о возможности герменевтики религиозных текстов. В главе он противопоставляет две философские перспективы: деконструкцию Ж. Деррида и герменевтику Г.Г. Гадамера, показывая, что именно последняя, несмотря на некоторую устарелость, обладает реальным эвристическим потенциалом в понимании религиозных сообщений об опыте, который никогда не будет нами достижим. Гадамеровский метод помогает с помощью наводящих знаний о проблеме породить новое знание, которое точно приблизит нас к миропониманию изучаемых авторов, тем самым обогатив наши знания. Таким образом, вопрос о содержании текстов никогда не будет исчерпан, но мы, двигаясь по герменевтическому кругу, будем решать задачу новым способом. Противоположностью в этом плане будет диссеминация Деррида, ведь «...диссеминация означает, что значение,

понимаемое как живой процесс прямого “означивания”, инициируемый Истоком, который буквально *создает знаки*, заменяется безграничным размножением мертвых семян» [Hanegraaff 2022, p. 324]. По мнению Ханеграаффа, путем создания мертвых симулякров герметики шла вся христианская рецепция текстов Корпуса, видевшая в них лишь слабое отражение христианства, по этому же пути последовало и большинство академиков, фокусирующихся на рассмотрении Корпуса в XX в. Правда, касаясь арабских источников передачи герметических идей, Ханеграафф ставит вопрос о возможности существования линии преемства герметизма, следы которой мы находим в круге Сухраварди, но вопрос этот на современном уровне владения источниками прояснен быть не может.

Философско-рефлексивная линия развивается и в эпилоге к книге. Здесь Ханеграафф отходит от проблемы герметизма и показывает, что вся академическая традиция изученного знания также строилась на стратегии диссеминации, создавая ложные симулякры, рождавшиеся культурным контекстом, в котором творили их авторы. Так, Ганс Йонас из экзистенциалистской философии создал образ гностика, заброшенного в этот мир, а Френсис Йейтс превратила герметизм в магическую религию мироприятия, чей пафос пришелся очень кстати новому религиозному оптимизму конца XX в. Таким образом, оказывается, что исследование Ханеграаффа о герметизме преследует значительно более масштабную цель, нежели пересмотр академической традиции изучения античного религиозного учения. Он заявляет: «Моя настойчивость в этом вопросе является частью более масштабной программы реконструкционистов по выходу за рамки традиционных больших нарративов “западной культуры” к новым, совершенно иным и гораздо более сложным, которые должны полностью *включать* и интегрировать то, что раньше было маргинализировано или исключено как “отверженное знание”» [Hanegraaff 2022, p. 361]. Как и в своих предыдущих трудах, Ханеграафф на конкретном примере предлагает посмотреть, как формируется наше знание о себе, как работают институты и системы порождения знания и на каком зыбком фундаменте базируется представление об идентичности западной культуры. Весь проект исследования эзотеризма был начат им как попытка пересмотра и изменения этого положения, создания новой эгалитарной истории культуры, и сейчас для этого, кажется, представляются вполне подходящие условия, так что выход «Герметической духовности...» оказывается не просто академическим, но и политическим проектом.

Как возможно беспредпосылочное знание о религии?

Первое, что кажется очевидным после проведенного выше обзора, это то, что новая книга Ханеграаффа, безусловно, удалась, она, как и его предыдущие работы, будет событием для современной академии, представленный в ней материал и тот метод, с помощью которого автор произвел «взлом» традиционной историографии герметизма, будет обсуждаться в кругах исследователей культуры и религии, а возможно, и использоваться эпигонами. О том, насколько адекватно Ханеграафф реконструирует герметизм своим радикальным образом, судить специалистам-античникам, нас в первую очередь интересует общенаучное значение монографии, о котором мы далее и порассуждаем.

Как уже отмечалось выше, весь текст строится на критической историографии, в такой перспективе произведение любого исследователя становится в первую очередь отражением его личного мировоззрения. Так, Йонас, читая гностические тексты, находит в них прозу и философию экзистенциалистов, Йейтс видит в ренессансном герметизме отражение религиозного бума 1960-х гг., Фестюжьер пытается кроить герметизм по лекалам современного ему католицизма и проецирует на него классические ересиологические стереотипы, созданные для совершенно иных учений, и т. п. В резонности такой перспективы сложно сомневаться, учитывая, что критическое религиоведение с конца 1990-х гг. наработало немалый багаж доказательств, подтверждающих известную мысль из «Соляриса» Станислава Лема: «...не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Достаточно одного этого, и он-то нас уже угнетает. Мы хотим найти собственный, идеализированный образ...»⁷.

Это верно, но критическое религиоведение – тотальное мировоззрение, требующее все подвергать сомнению. А если так, то в ряд ученых, которые не слушают то, «о чем нам говорят тексты», сразу за Йейтс вполне можно поставить и самого Ханеграаффа, чему обозреваемая книга дает немало подтверждений. Если Райтценштайн моделировал герметические сообщества по протестантским общинам, а Ж. Киспель по масонским ломам, то Ханеграафф, предлагая рассматривать объект исследования как «среду приверженцев герметизма» [Hanegraaff 2022, p. 25], берет за образец культовую среду 1970–1990-х. Даже приведенная в начале статьи аналогия логики герметических текстов, рассматриваемых по сходству с квантовым исцелением Чопры, указывает на то, что

⁷ Лем С. Солярис // Лем С. Солярис; Непобедимый; Звездный дневник Ийона Тихого. М.: Правда, 1988. С. 71–72.

для Хангерааффа герметизм – античный аналог Нью Эйдж. Именно на этой аналогии покоится перспектива рассмотрения, согласная которой изучается не герметическая традиция или герметическая литература, а феномен, именуемый автором «герметическая духовность» [Hanegraaff 2022, p. 9]. То же самое происходит и при реконструкции религиозного опыта герметиков: все его особенности моделируются на основании бума исследований ИСС, начавшегося в те же 1970-е. Это осовременивание герметического мировоззрения пронизывает весь текст. Например, вводя читателя в проблематику «практик себя», развитых в философских и религиозных кругах античности, автор прибегает к следующей аналогии: «...духовные упражнения в древности кажутся близким эквивалентом того, что сегодня известно как “осознанность”, которая охватывает спектр между “сосредоточенным вниманием” на одном конкретном объекте, тем самым сводя к минимуму или даже исключая помехи со стороны других объектов, и его аналогом, “открытым опознаванием”, которое принимает все существенные стимулы по мере их возникновения, не преследуя их» [Hanegraaff 2022, p. 146].

Эта аналогия проблематична сразу по нескольким причинам. Во-первых, осознанность – современный конструкт, возникший в ходе сложного культурного диалога по апроприации и секуляризации восточных практик на Западе. Текст, кстати, показывает, что Хангераафф пишет именно о вариации осознанности, сложившейся в современном буддистском модернизме, а не в изначальной восточной практике⁸. Во-вторых, специфика современной осознанности секулярна и подразумевает ее применение человеком, находящимся в пострелигиозном сообществе. Таким образом, для религиозного мира поздней античности эта категория выступает как аисторичная, следовательно, вполне может исказить перспективу исследования. В моделировании герметизма по современным образцам Хангераафф порой заходит так далеко, что фактически начинает оживлять античность методом визуальной культуры. Вот как он рисует кульминационный момент обретения Татом внутреннего опыта духовного рождения: «Я бы рассмотрел возможность того, что объятие было не кратким, но *длилось* ровно столько, сколько и видение. Вместо того чтобы вообразить, будто Гермес и Тат заключали друг друга в дружеские объятия на пару секунд, мы можем представить, что они держат друг друга за плечи вытянутыми руками и *остаются* в таком положении на протяжении всего видения. Хотя такая интерпретация очевидно спекулятивна, она

⁸ Подробнее о буддийском модернизме см.: [McMahan 2008]; о специфике современного понимания осознанности см.: [Meditation, Buddhism, and science 2017].

подтвердила бы то, что мы знаем о физических процедурах индуцирования визионерского транса с участием активного ведущего и пассивного реципиента...» [Hanegraaff 2022, p. 297]. Построение этого фрагмента напоминает монтаж современного фильма, где камера через комбинирование различных планов и жестов стремится передать внутренние переживания героя. Обращает на себя внимание уровень допущений: факт объятия не только фиксируется, но уточняется до несуществующих в тексте деталей, которым придается особое психологическое значение, также отсутствующее в тексте. Все эти и многие другие факты показывают, что Ханеграафф создал еще одно (кривое?) зеркало герметизма, отличающееся от предыдущих тем, что в нем, возможно, более адекватно видит себя человек современной эпохи, тогда как Йонас или Йейтс делали зеркала для живущих в 1930-х и 1960-х гг.

Гнозис или ИСС?

Напрямую с темой моделирования герметизма сопряжена концепция гнозиса – любимая Ханеграаффом в последние десять лет [Носачев 2017]. За ее аисторичность, спекулятивность и тенденциозность Ханеграаффа критиковали уже не раз. Например, Д. Бёрнс в своем разборе проблем исследования эзотеризма в античности убедительно показал, что древние тексты не свидетельствуют о гнозисе, более того, он утверждает: «...очевидно, что столетия использования “гнозиса” в качестве эмической категории как теологами, так и теософами делают ее обременительной, подлежащим дисквалификации термином в этической историографии философии и религии. Если исследователи платонизма – не говоря уже об исследователях гностицизма или эзотеризма – желают придерживаться какой-либо этической позиции, он или она не могут дальше использовать “гнозис”» [Burns 2021, p. 35].

В книге Ханеграафф намекает на осведомленность об этой критике, но подчеркивает, что не собирается отказываться от гнозиса. Более того, в тексте он дает развернутую аргументацию того, что герметический гнозис не равен гностическому и о нем можно говорить как об опыте особого рода, специфику которого удобнее уловить, если сопоставить с учением о красоте из платоновского «Пира». Стоит признать, что опора на тексты и достаточно развернутая теоретическая рефлексия частично снимают подозрения в сомнительности использования категории гнозиса в случае герметизма. При этом настоятельное включение современной категории ИСС для расшифровки содержания гнозиса и методов его обретения столь же валидным признать нельзя.

Ханеграафф упорно стремится доказать, что большинство опытов герметиков было вызвано либо применением психотропных веществ, либо использованием набора психотехник. Вот, например, как он реконструирует переживания Фессалоса, приведшие его к убеждению, что статуя древнего бога ожила и сообщила ему изменившее жизнь откровение: «Фессалос голодный с кружащейся головой обнаружил себя в темной храмовой комнате, сидящим перед пустым тронном, с тревогой вдыхающим дым благовоний куфи и надеющимся на то, что произойдет нечто из ряда вон выходящее. Ингредиенты этого знаменитого соединения, которое использовалось в храмах по всему Египту, были подробно проанализированы. По-видимому, они обладали наркотическими свойствами... Мы не можем знать наверняка, но разумно предположить, что жрец совершил какие-то действия, чтобы в темноте над тронном появился яркий свет» [Hanegraaff 2022, p. 33]. После появления искусственного света Фессалос, по интерпретации Ханеграаффа, под влиянием наркотического опьянения и трехдневного поста увидел над тронном лик Асклепия, который и сообщил ему изменившее жизнь знание.

Стоит отметить уровень спекулятивных обобщений: никаких свидетельств, подтверждающих манипуляции жреца, в тексте нет; полный состав куфи до сих пор не восстановлен, хотя в нем и выявлены наркотические вещества, но экспериментально воспроизвести его эффект нельзя, как нельзя и понять действие его компонентов друг на друга; истощение от поста автоматически связывается со способностью к галлюцинациям, хотя это далеко не очевидно. Вообще нужно отметить склонность современных исследователей к упрощению религиозной практики в Древнем мире со сведением ее к поиску ярких экстраординарных переживаний. Складывается впечатление, что современные ученые убеждены, если не поесть несколько дней и закрыться в темной комнате, то обязательно наступят невероятные и содержательные галлюцинации, а не глубокий сон. В других сходных случаях, когда нет указаний на пост или манипуляции, источником переживаний объявляется только эффект наркотических воскурений: «...никакой тайны здесь нет. Требовался какой-то травяной отвар, который позволил бы ученику вдыхать пневму» [Hanegraaff 2022, p. 38]. В современных трудах, подобных книге Ханеграаффа, наркотический опыт стал играть роль «*deus ex machina*», объясняющего все то, что мы не можем понять с рациональной точки зрения.

Наверное, значительная часть рассуждений о связях ИСС и герметического опыта Ханеграафф основывает на известном исследовании Юлии Устиновой «Божественная мания: изменение сознания в древней Греции» [Ustinova 2017]. Ханеграафф написал

рецензию на этот труд и видит в нем лучший обзор практик изменения сознания в древней Греции⁹. Нельзя не отдать должное работе Устиновой – исследований подобного рода ранее действительно не проводилось, и некоторые сделанные ею обобщения позволяют взглянуть на историю греческой религии под неожиданным углом зрения. Но большая часть материала встраивается ею в ущербную исследовательскую рамку, где на основании разрозненных фактов, надерганных из различных источников, доказываются ультра-редукционистские гипотезы объяснения религиозного опыта на уровне исследований 1970–1980-х гг.¹⁰, хотя сейчас в нейропсихологии существует немало теорий с хорошим доказательным материалом, который был бы в ее случае более эвристичным. При этом сам механизм достижения переживаний Устинова как следует не проясняет, в реконструкции существует множество белых пятен, которые заполняются натяжками, например, многие переживания восстанавливаются на основе свидетельств из художественных текстов¹¹.

Главной проблемой метода Устиновой и Ханеграаффа оказывается даже не полная аисторичность прочтения древних текстов через современные экспериментальные науки, а то, что на деле никто не может воспроизвести опыт герметиков в современных лабораторных условиях, поскольку способы его достижения в деталях неизвестны (даже составы для курений неясны)¹²,

⁹ Небольшая рецензия содержит на удивление много восторженных характеристик, в качестве примера приведем одну из них: «“Божественная мания” – отличный пример того, как передовые исследования в области неврологии, когнитивной науки и психологии могут быть использованы в рамках научной интерпретации текстов, опирающейся на прочные эмпирические и исторические основания» [Hanegraaff 2020, p. 154]. Нельзя удержаться от замечания: текст Устиновой может свидетельствовать о многих выдающихся компетенциях ее автора, но точно не о знании современных психиатрических, неврологических и когнитивных исследований.

¹⁰ См. большие спекуляции о внетелесном опыте, шаманских переживаниях, смешении трансовых и экстатических состояний, сведение загробных переживаний к внетелесному опыту и т. п.

¹¹ Например, см. третью главу, названную «Вакхия».

¹² У Ханеграаффа приводится хороший пример, иллюстрирующий проблему: «... необходимо приготовить пирог из меда и мякоти плодов лотоса и скормить его солнечному скарабею. Это убьет скарабея, которого затем нужно бросить в стеклянный сосуд с высококачественным розовым маслом, поставив сосуд на “священный песок”, в течение семи дней произносить над ним заклинание освящения. Затем скарабея нужно

а о сходстве судят лишь по эффекту, достигаемому от современных ИСС, в сопоставлении со смутными, зачастую неполными, описаниями переживаний, о которых мы читаем в древних текстах. На неангажированного и критически настроенного читателя такая объяснительная модель производит впечатление гадания на кофейной гуще. На деле у нас есть набор разрозненных фактов, который из-за абсолютной невозможности экспериментальной проверки собирается с уверенностью в том, что так эти практики должны были работать, ведь их эффект напоминает некоторые современные эксперименты. Вряд ли такой путь решения проблемы религиозного опыта можно признать хоть сколько-то удачным. Используя концепцию ИСС, гуманитарии не только встают на зыбкую почву сомнительных экспериментальных исследований, но, зачастую не успев (или не захотев) в должной мере погрузиться в проблематику и заметить все ее нюансы, они выбирают лежащие на поверхности популярные модели, с помощью которых якобы объясняют религиозный опыт из древних текстов. История с ИСС напоминает исследования мистицизма, от которых, по мнению многих, давно пора отказаться¹³, ведь мистицизм, по сути, представляет собой эвфемизм, скрывающий либо реальную теологическую ангажированность, либо дыру в стене научной системы, которую ученые предпочитают залатывать ничего не выражающим обобщением.

Рука об руку с реконструированием ИСС на основе разнородных материалов идет и проблема спекулятивности всех обобщений Ханеграаффа. Это, кстати, понимает и он сам – ведь недаром, исследуя герметизм, он часто употребляет термин «спекулятивный». Во многом эта особенность исследования – неизбежное следствие

закопать в кусок полотна вместе с миррой и мендезийским вином, в результате чего в конечном итоге получится мазь, которую можно использовать для ритуала вознесения. Известно, что египетские водяные лилии обладали наркотическими и галлюциногенными свойствами, а мирра описана в демонических магических папирусах, как компонент краски для глаз, предписываемой для визионерского применения» [Hanegraaff 2022, p. 38]. Мысль о том, что опыт использования мази из сушеного скарабея действительно приводил к какому-то эффекту, можно обосновать, лишь повторив опыт: скормив скарабею пирог, настояв и применив. В противном случае все, что у нас есть – фантазии на тему, подкрепленные свидетельствами о том, что отдельные наркотические компоненты мази способны изменять восприятие каким-то случайным образом.

¹³ См. содержательное исследование Б. Хуса, деконструирующего феномен иудейского мистицизма, попутно делающего важные выводы о невозможности применения этой категории в изучении религии [Huss 2020].

метода автора. Если до нас дошли лишь испорченные переписчиками тексты, а вся предыдущая традиция их интерпретации была подорвана ангажированностью, то, отказавшись от текстов и интерпретаций, нам остается лишь воображение. Да, это не безудержная фантазия художника или писателя, это воображение опытного академического исследователя, годами стремящегося проникнуть в проблему герметизма в различные эпохи истории человечества, но при этом механизм построения нарратива остается тот же – неизвестные для нас факты домысливаются. Именно поэтому в книге так много художественных историй, несвойственных для текстов Ханеграаффа ранее. К художественным реконструкциям относятся: история Фессалоса из второй главы, где восстанавливается весь процесс получения им религиозного опыта, история алхимика Зосимы из четвертой главы, когда тот постигает, что жрецы современного культа заменили истинное богочитание служением демонам, разобранный выше сюжет с объятием Гермеса и Тата и т. п. Такие достраивания были бы уместны, если бы на них не строилась большая часть аргументов автора. И когда спекулятивный пассаж обосновывается спекуляциями из более ранних глав, закрадывается сомнение: а насколько подтвержденную фактами теорию предлагает автор исследования.

Логос, вера, гнозис

И последняя проблема, которую высвечивает монография, в меньшей мере связана с трудом о Гермесе и в большей с общим проектом пересмотра оснований западной культуры, на котором настаивает Ханеграафф. Как известно, он предлагает идею трехчастного деления ее составляющих: логос (все рациональные знания), вера (официальная религиозность, под которой в первую очередь понимается христианство) и гнозис (совокупность отверженного знания, укорененная в непосредственном опыте духовных переживаний) [Hanegraaff 2012, p. 372]. Ханеграафф усматривает в христианстве одну из главных проблем диссеминации: сначала ранние отцы церкви (начиная от Лактанция и Августина) пытались осмыслить опыт герметиков через тринитарное богословие, а затем теологические клише не давали исследователям смотреть на герметизм вне рамок дуалистических ересей. Из текста книги складывается впечатление, что для ее автора христиане – это схоласты-теологи, мыслящие по строгим законам логики и сводящие всю религию к набору сухих рациональных постулатов, представление о живом религиозном опыте им вовсе неизвестно, как немислимо и то, что весь мир может быть проникнут

Богом. Такая очевидно далекая от адекватного понимания христианства характеристика, данная одним из ведущих религиоведов современности, заставляет поставить важный вопрос к современным исследованиям религии.

Рубеж XX–XXI вв. был характерен известными дебатами вокруг валидности концепции «религия», многие стали утверждать, что это созданный протестантизмом конструкт, от которого сегодня пора отказаться. Не углубляясь в эту неоднозначную тему, можно продолжить логику деконструкции и поставить вопрос несколько иначе: не являются ли все современные религиоведческие категории порождением взгляда на мир, возникшим внутри или под определяющим влиянием западного христианства (в данном случае протестантизм и католицизм целесообразно рассматривать как единую традицию)? Вот следствия этого взгляда: сведение религии к рациональной составляющей; превращение ее в форму философии; минимализация роли религиозных практик; игнорирование специфики повседневной жизни верующих; минимализация личного внутреннего опыта, если он не выражается в экстраординарных переживаниях, которые удобно обозначать абстрактным термином «мистицизм». Такая перспектива полностью игнорирует опыт христианства как минимум первых веков.

Исследование Ханegraаффа, как и многие современные работы по изучению гностицизма, с одной стороны, и патрологические исследования раннего христианства – с другой, открывают интереснейшие перспективы в реконструкции общего религиозного ландшафта первых веков по Р.Х., ландшафта, в котором не было еще четких категорий ереси и ортодоксии, но существовала единая среда обогащающих друг друга движений и направлений. Но понастоящему изучить ее будет возможно лишь тогда, когда исследователи смогут отказаться от простых схем и научных категорий, оформленных в перспективе западного христианства. Этот отказ с неизбежностью должен вести и к элиминации некой уникальной, присущей лишь каким-то закрытым неортодоксальным общинам категории гнозиса, как и к устранению представления о том, что гностицизм, герметизм, а с ними более поздние формы так называемого отверженного знания имеют какую-то внерелигиозную, отделенную от христианского контекста природу. Таким образом, столь настоятельное продвижение идеи о диалектике опытного гнозиса и рационально-догматического христианства, которой пронизан почти весь текст Ханegraаффа, сыграло плохую службу в развитии исследований, создавая прецедент ложного теоретизирования, упрощающего сложную картину, части которой благодаря успехам в изучении гностицизма в последние десятилетия начинают понемногу проясняться.

* * *

Очевидно, что исследование Ханеграаффа с насыщенным, впрочем, как всегда, у него, содержанием, затрагивает немало проблем, заставляет на многие вопросы взглянуть по-новому, и, чтобы это оценить, стоит прочесть книгу. Одно можно сказать точно. Автор завершает текст указанием на то, что книга «...была создана для того, чтобы изменить сознание, стимулировать воображение, расширить кругозор и даже открыть двери к ноэтическому прозрению...» [Hanegraaff 2022, p. 367], и если о последней задаче с определенностью сказать ничего нельзя, то с остальными книга справилась.

Литература

- Носачев 2017 – *Носачев П.Г.* Нет ничего нового под солнцем: «гнозис» как категория в исследовании западного эзотеризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4 (35). С. 187–208.
- Сидаш 2018 – *Сидаш Т.Г.* Приложение 1: Античный герметизм // Плотин. Четвертая Эннеада. Кн. 1. СПб.: Издат. проект «Квадривиум», 2018. 368 с.
- Burns 2021 – *Burns D.* Receptions of revelations. A future for the study of esotericism and Antiquity // New approaches to the study of esotericism / ed. by E. Asprem, J. Strube. Leiden: Brill, 2021. P. 20–44.
- Hanegraaff 1996 – *Hanegraaff W.J.* New Age religion and Western culture. Esotericism in the Mmirror of secular thought. Leiden: Brill, 1996. 580 p.
- Hanegraaff 2012 – *Hanegraaff W.J.* Esotericism and the academy. Rejected knowledge in Western culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 468 p.
- Hanegraaff 2020 – *Hanegraaff W.J.* Review of: Yu. Ustinova (2018). Divine Mania. Alterations of Consciousness in Ancient Greece // *Aries*. Vol. 20. Iss. 1. P. 153–155.
- Hanegraaff 2022 – *Hanegraaff W.J.* Hermetic spirituality and the historical imagination. Altered states of knowledge in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 438 p.
- Huss 2020 – *Huss B.* Mystifying Kabbalah. Academic scholarship, national theology, and New Age spirituality. Oxford: Oxford University Press, 2020. 185 p.
- McMahan 2008 – *McMahan D.L.* The making of Buddhist modernism. Oxford: Oxford University Press, 2008. 299 p.
- Meditation, Buddhism, and science 2017 – *Meditation, Buddhism, and science* / ed. by D.L. McMahan, E. Braun. Oxford: Oxford University Press, 2017. 253 p.
- The gnostic scriptures 2021– *The gnostic scriptures* / ed. by B. Layton, D. Brakke. New Haven; L.: Yale University Press, 2021. 712 p.
- Ustinova 2017 – *Ustinova Yu.* Divine mania. Alteration of consciousness in Ancient Greece. N.Y.: Routledge, 2017. 395 p.

References

- Burns, D. (2021), “Receptions of revelations. A future for the study of esotericism and Antiquity”, in Asprem, E. and Strube J., eds., *New approaches to the study of esotericism*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Hanegraaff, W.J. (1996), *New Age religion and Western culture. Esotericism in the Mmirror of secular thought*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Hanegraaff, W.J. (2012), *Esotericism and the academy. Rejected knowledge in Western culture*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hanegraaff, W.J. (2020), “Review of: Yu. Ustinova (2018). Divine Mania. Alterations of Consciousness in Ancient Greece”, *Aries*, vol. 20, iss. 1, pp. 153–155.
- Hanegraaff, W.J. (2022), *Hermetic spirituality and the historical imagination. Altered states of knowledge in Late Antiquity*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Huss, B. (2020), *Mystifying Kabbalah. Academic scholarship, national theology, and New Age spirituality*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- McMahan, D.L. (2008), *The making of Buddhist modernism*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- McMahan, D.L. and Braun E., eds. (2017), *Meditation, Buddhism, and science*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Nosachev, P.G. (2017), “There is nothing new under the sun. The concept of ‘Gnosis’ in studies of Western esotericism”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 35, no. 4, pp. 187–208.
- Sidash, T.G. (2018), “Appendix 1. Ancient hermeticism”, in Plotinus, *Fourth Ennead*, book 1, Izdatel’skii proekt «Kvadrivium», Saint Petersburg, Russia.
- Layton, B. and Brakke, D., eds. (2021), *The gnostic scriptures*, Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.
- Ustinova, Yu. (2017), *Divine mania. Alteration of consciousness in Ancient Greece*, Routledge, New York, USA.

Информация об авторе

Павел Г. Носачев, доктор философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 127051, Россия, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1; pnosachev@hse.ru

Information about the author

Pavel G. Nosachev, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; St. Tikhon’s Orthodox University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Likhov Line, Moscow, Russia, 127051; pnosachev@hse.ru